

Посуда и утварь в обрядах жертвоприношений у закамских удмуртов (утилитарные и знаковые функции)

Татьяна Гильнихметовна Миннихметова

*Инсбрукский университет,
Инсбрук, Австрия*

Ранус Рафикович Садиков

*Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева
Уфимского федерального исследовательского центра РАН,
Уфа, Россия*

Введение. Статья посвящена рассмотрению состава и функций посуды и утвари, используемых в ходе обрядов жертвоприношений у закамских удмуртов-«язычников», проживающих в Республике Башкортостан и Пермском крае. Подобное исследование с использованием обширного полевого и архивного материала проведено впервые.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили опубликованные и архивные источники, а также этнографические сведения, собранные авторами в ходе многолетних полевых исследований. Анализ материалов осуществлен посредством сравнительно-исторического и сравнительно-сопоставительного методов.

Результаты исследования и их обсуждение. В предметном мире удмуртских жертвоприношений своеобразное место занимают посуда и утварь, без которых невозможен сам обрядовый процесс, предполагающий приготовление еды и совместную трапезу. Посуда (котлы, корыта, ведра, чаши, ложки, ковши и т. п.) используется в основном по утилитарному назначению (варка, хранение, транспортировка и употребление в пищу продуктов и т. д.), но включение в ритуальный процесс наделяет ее также знаковыми, символическими, функциями.

Заключение. Посуда и утварь на жертвоприношениях закамских удмуртов до сих пор наделяются высоким сакральным статусом. Количество, состав и способы использования ритуальной посуды остались традиционными, но изменились их форма, материал и способ изготовления. Как и раньше, помимо применения в утилитарных целях эти предметы наделяются многими знаковыми функциями.

Ключевые слова: обрядовая посуда, жертвоприношения, утилитарная и знаковая функции, закамские удмурты

Благодарности: Р. Р. Садиковым исследование выполнено в рамках государственного задания № АААА-А21-121012290086-0 ИЭИ УФИЦ РАН на 2021–2023 гг.

Для цитирования: Миннихметова Т. Г., Садиков Р. Р. Посуда и утварь в обрядах жертвоприношений у закамских удмуртов (утилитарные и знаковые функции) // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 4. С. 394–404. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.394-404.

Введение

Человеку свойственно организовывать пространство вокруг себя вплоть до мелочей; созданный им порядок встраивается в цепочку вещей и событий, и отсутствие даже одного звена нарушает ее целостность. К таким «мелочам» относится и посуда, без которой немислимо существование в наше время. Неслучайно в исследованиях истории развития культур уделяется пристальное внимание способам изготовления и использования различных типов посуды и утвари. Эти предметы заняли определенное место и в обрядовой культуре народов. Согласно археоло-

гическим данным, абсолютное большинство древней посуды сохранилось именно в культовых и погребальных комплексах. Своеобразное место посуда занимает также в обрядовой жизни удмуртов: вовлечение в ритуальные действия «выводит вещь на совершенно иной уровень – отличный от бытового уровня, определяемого утилитарными функциями предметов» [5, 35], в связи с чем она становится сакральной, приобретая символическое значение.

В статье предпринят сравнительно-исторический анализ функций посуды и утвари (*восьын кутійськон саут, тусьты-пуньы*),

используемых в общественных жертвоприношениях (*вось/восьяськон/куриськон*) закамских удмуртов, проживающих в Республике Башкортостан (РБ) и Пермском крае, избежавших крещения и сохранивших приверженность этнической религии. По мнению одного из видных представителей семиотического направления в этнологии А. К. Байбурина, значимость вещей в архаических и традиционных культурах была существенно выше современной: «...вещи были “задействованы” не только в практическом отношении, но и активно использовались в игре смыслов наряду с другими элементами культуры, и использовались не только по своему прямому назначению, но и как знаки социальных отношений», «при вхождении в некоторую семиотическую систему (например, в ритуал) они функционируют как знаки, а при выпадении из системы – как вещи» [2, 70–71]. Исследователь полагает, что «“стирание” смысла все-таки неизбежно происходило... С учетом этого процесса общество выделяло ядерные фрагменты памяти (наиболее ценный, с точки зрения этого общества, опыт) и осуществляло особый контроль над их сохранностью с помощью ритуала» [1, 11]. Бесспорно, именно в обрядовом процессе улавливается символическая сущность многих прикладных вещей.

Обзор литературы

Культурная практика закамских удмуртов, как и ее материальное обеспечение, в последнее время стала предметом пристального внимания российских и зарубежных этнографов и антропологов [8; 10; 14–19]. Данная работа является продолжением исследований в этом направлении.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили опубликованные и архивные источники, а также этнографические сведения, собранные авторами в ходе многолетних полевых исследований. Анализ материалов осуществлен посредством сравнительно-исторического и сравнительно-сопоставительного методов. В статье учтены теоретические подходы семиотического направления в этнологии.

Известно, что у каждого обряда имеются соответствующие только ему атрибуты, используемые при его подготовке и проведении. По замечанию Л. С. Христолюбовой, бытовые предметы утилитарного назначения, включенные в обрядовое действие, приобретают символическое значение. Они указывают на содержание обряда, объединяют совокупность его участников, являются атрибутами действующих лиц, предохраняют и очищают совершающее действие, служат фоном и декорацией для исполнения обрядов. Один и тот же предмет в разных обрядах может иметь различные смыслы. Информация, заключенная в обрядовом предмете, прочитывается в контексте обряда, но в большинстве случаев исполнители не стремятся к раскрытию смысла совершаемых действий, довольствуясь «осознанием того, что так делали старики, что так принято» [12, 171].

Для приготовления и употребления ритуальной еды, транспортировки и хранения воды, складывания продуктов во время жертвоприношений используется множество посуды разных типов. В первую очередь для приготовления еды необходима огнестойкая емкость. Трудно указать конкретное время появления посуды из металла в регионе проживания удмуртов; «в эпоху средневековья металлическая посуда была здесь явлением исключительным. Тысячелетние традиции изготовления медно-бронзовых изделий у народов, населявших эти края, не распространялись на посуду. Она была глиняной, деревянной, изготавливалась из бересты, луба, кожи, но не из металла» [7, 4]. Со временем среди местного населения широко распространились чугунные изделия. По мнению ученых, чугунная посуда у удмуртов начала использоваться во второй половине XIX в. [11, 162]. Котлы, изготовленные из данного материала, вероятно, нашли применение также в культурной практике. Ранее в этих целях использовались скорее всего медные и серебряные котлы [13, 186–187]. В настоя-

щее время к наиболее значимой посуде в удмуртских обрядах-жертвоприношениях также следует отнести чугунный котел *пурты*, предназначенный для варки мяса и каши.

Количество используемых в обряде котлов обычно зависело от числа жертвенных животных или участвующих в молении деревень. Об этом свидетельствуют записи побывавших на удмуртских обрядах ученых. Посетивший в 1884 г. место жертвоприношения *восьяскон инты* в д. Большой Качак Бирского уезда Уфимской губернии финский этнограф А. Хейкель в описании обряда указал, что обнаружил там пять кострищ, расположенных в одном ряду, с обеих сторон каждого очага были воткнуты короткие деревянные колья, рядом находились длинные жерди, служившие перекладиной для подвешивания котлов¹. В 1894 г. в той же деревне на молении *мер вöсь* ('моление миром') присутствовал другой финский исследователь, Ю. Вихманн. По его свидетельству, «участвовало на празднике 4 деревни, но жрецов было 5, т. к. в этой большой деревне 2 жреца. Жертвенных животных тоже 5. На огороженном месте дымилось 5 котлов, [расположенных] по ряду, в парах сажений друг от друга. 1 котел и один жрец для каждого жертвенного животного»².

В 1911 г. во время экспедиции в Пермскую и Уфимскую губернии финский религиовед У. Хольмберг посетил несколько обрядов удмуртов. Как отметил исследователь, мясо жертвенного животного при деревенском молении варится в нескольких котлах: «...необходимо соблюдать правило, согласно которому самые важные органы жертвенного животного – сердце, печень, кусочек легких, первое с правой стороны ребро и т. д. – следует варить в

отдельном котле, т. к. они составляют самую ценную часть жертвы. Все остальное мясо варят отдельно, в одном или нескольких котлах – в зависимости от размера животного» [6, 94]. Согласно его же данным, мясо жертвы, посвященной божеству земли *Му-Кылчин*, варится отдельно и не смешивается с подношениями для небесных божеств³.

Другие источники также указывают, что котлы устанавливали на козлах или тагнах⁴, либо, судя по фотографиям У. Хольмберга, – на камнях, слегка раскопав землю⁵. Рядом с каждым очагом с котлом присутствовал неременный атрибут удмуртских жертвоприношений – сооружение из срубленных молодых стволов берез (летом) и елей (зимой), поверх которых ставился такой же ствол в качестве перекладины⁶. Ю. Вихманн отмечает, что во время молитвы жрецы стоят «каждый перед своим котлом; помощники на коленях кланяются за котлами...; за ними за оградой длинными рядами – мужчины на коленях, за ними их жены»⁷.

В настоящее время для проведения обрядов одна деревенская община в зависимости от числа жителей может иметь несколько котлов объемом 20 л и более. В некоторых деревнях используют старинные котлы, передававшиеся от поколения в поколение жрецами для обрядовых нужд жителей. При необходимости покупают новые котлы за счет собранных с населения денег на религиозные нужды. При крупных межобщинных жертвоприношениях нескольких деревень участники привозят свои котлы (рис. 1). Для прикрытия готовой каши в котлах применяют крышки, сбитые из деревянных дощечек с ручкой, *пурты капкась*.

Традиция обособленного приготовления жертвенного мяса сохраняется до сих пор.

¹ См.: Heikel A. O. Tutkimusmatkat Venäjälle ja Siperiaan. 1884. Muistiinpanokirja D // Museoviraston Kansatieteen käsikirjoitusarkisto (Архив этнографических рукописей Музейного ведомства Финляндии, Хельсинки). S. 85.

² Wichmann Y. Tietoja Birskin votjaakkien (Ufan kuv.) tavoista, uskonnollisista menoista ym. 1894 // Suomalais-Ugrilainen Seuran tutkimusarkisto (Научный архив Финно-угорского общества, Хельсинки). Kotelo 727. S. 11–12.

³ См.: Uno Harvan matkamuistiinpanoja. 1911 // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjallisuusarkisto (Архив рукописей Финского литературного общества, Хельсинки). S. 28.

⁴ См.: Яковлев К. Верования и религиозные обряды вотяков Бирского и Осинского уездов // Вестник Оренбургского учебного округа. 1915. № 6–7. С. 186, 262.

⁵ См.: Holmberg U. Permalaisen uskonto. Porvoo, 1914. S. 144.

⁶ См.: Wichmann Y. Op. cit. S. 12; Uno Harvan matkamuistiinpanoja. S. 139.

⁷ Wichmann Y. Op. cit. S. 12.

Рис. 1. Жрецы помешивают кашу в котлах. Окружное моление *багыш вось*. Татышлинский район Республики Башкортостан. Фото Р. Р. Садикова. 2015 г.

Fig. 1. Priests stir porridge in cauldrons. District prayer *bagysh vos*. Tatyshlinsky district, the Republic of Bashkortostan. Photo by R. R. Sadikov. 2015

В случае деревенских молений небольшой общины мясо жертвы варят в двух котлах: в первом – мясо с правой стороны туши, голову и внутренние органы, во втором – мясо с левой стороны туши. При отсутствии таких условий все мясо готовят в одном котле, но куски мяса с правой стороны помечают: перевязывают лыком или шпагатом. На межобщинных и краевых обрядах мясо рассортировывается таким же образом. В с. Новые Татышлы Татышлинского района РБ мясо принесенной в жертву божеству земли черной овцы варят в отдельном котле; до его готовности жрец наблюдает за помощниками, чтобы те случайно не смешали его с мясом жертв небесным божествам. Для обряда обещания жертвы *сйзиськон* непосредственно перед началом моления используют маленький котел, в котором варят мучной кисель или кашу на отдельном костре (д. Асавка Балтачевского района РБ).

Для удобства поддержания огня в большинстве случаев котлы ставят на костер при помощи железных подставок *пурты пуктон / кук*, изготовленных местными

кузнецами. Они представляют собой железные обручи по диаметру котла с тремя-четырьмя ножками. В ряде случаев котлы устанавливают на камни, при этом землю в центре слегка углубляют⁸. Обращение с котлами особенное: их непременно моют водой при помощи лыковых мочалок до варки еды; после раздачи каши снова тщательно чистят и кладут на бок, повернув верхом *пурты ум* к югу. В Татышлинском районе первым делом в котел насыпают соль, лишь затем наливают воду. Снимают котел с огня при помощи деревянных шестов *пуш*, держа их за оба конца; их продевают через петли из проволоки, укрепленные в ушках котлов *пурты пель*. Совершая ритуальные действия, жрецы обходят котлы исключительно по солнцу; во время молитвы стоят впереди костров с котлами, а помощники и другие молящиеся – за котлами.

Обращение с этим значимым предметом не всегда было почтительным. В советский период, особенно в 1950-х гг., жертвенные котлы стали объектом нападков со стороны представителей атеистиче-

⁸ Для установки котла делали длинное узкое углубление в земле, посередине оно было глубже, куда с двух сторон складывали камни, чтобы ставить на них котел. Со свободных концов углубления подкладывали дрова в огонь; такой тип кострища пропускал ветер насквозь и огонь поддерживался легко [Полевые материалы автора Т. Г. Миннихметовой: 2021 г. Бураевский район РБ, д. Байшады, информант А. М. Миннихметова, 1935 г. р. (далее – ПМА)].

ского государства, обычно руководителей партийных ячеек колхозов – парторгов. Осведомленные в совершении удмуртами религиозных обрядов с жертвоприношениями, они приходили на святилища, когда ритуальная еда была сварена, и опрокидывали полные котлы, пиная их. Подобные события являются предметом воспоминаний многих информантов⁹, они отразились также в художественной литературе (например, в повести Романа Валишина “Тёл гурезь” («Гора ветров»))¹⁰.

Одну из основополагающих позиций котел занимал также в семейных и родовых святилищах *куала*; он помещался над очагом, прикрепляясь к балке при помощи деревянного крюка, или висел на цепи; там же и хранился.

Таким образом, котел на жертвоприношении объединял членов деревенской или родовой общины: в общем котле они варили мясо совместно купленной жертвы или кашу из собранной со всех дворов крупы, из него черпали еду для участников моления.

На молениях значительные функции выполняют и другие типы посуды. В прошлом заметную роль играли деревянные емкости, в которые складывали сырое и вареное мясо. Как отмечает У. Хольмберг, сваренное мясо делили на мелкие куски, а затем выкладывали на длинные, узкие деревянные корыта. Во время общей молитвы помощники жреца несколько раз поднимали эти корыта с мясом вверх на руках [6, 96]. По наблюдению Ю. Вихманна, в д. Большой Качак при произнесении молитвы мясо поднимали в корзине, которую на палочке держали двое помощников¹¹. Корыта использовали и для сбора обглоданных костей¹². После молений и риту-

альной трапезы в д. Байшады Бураевского района «кости собирали в один короб и увозили в место, называемое *Лы келян* – букв.: “костей проводы”. Там закапывали их под елью *кырвон кыз* – “жертвенная ель”» [3, 53]. Подобная посуда предназначалась для сбора жертвенных денег: «В деревянные тарелки собирали пожертвования в виде мелких монет»¹³.

В настоящее время для складывания вареного мяса применяются покупные жестяные или эмалированные корыта и тазы. На жертвоприношениях в Татышлинском районе, когда жрец молится, его помощники *партчась* (от *партчань* ‘свежевать, освежевать’) ставят тазы с мясом на стол и держатся за них руками.

Среди посуды и утвари отдельную категорию составляют жреческие чаши *вöсьяськон тусьты*. В прошлом во время произнесения молитвы жрецы держали чаши в руках на полотенце и, в зависимости от этапа моления, клали в них хлеб или блины, куски мяса или кашу, наливали бульон: «Жрец берет в руки на белом полотенце чашу с блинами и три раза обходит костер, затем становится лицом на юг»¹⁴. «Время от времени он кланяется, касаясь чашкой с жертвенным мясом земли, и кричит “аминь”»¹⁵. Жреческие чаши не разрешалось держать голыми руками, их всегда подхватывали полотенцами. У татышлинских удмуртов, по свидетельству Т. А. Крюковой, имелись специальные ритуальные рукавицы, вязанные из белой шерсти с узором в виде пчелиных сот, которыми жрецы держали чаши при жертвоприношениях в священной роще¹⁶. Таким образом, чаши выступали связующим зве-

⁹ Например: «Я переехала сюда жить в 1966 г., в том году местный предколхоза Дьуныс, удмурт из Секаша, во время жертвоприношения опрокинул котлы с кашей. Коммунисты не давали молиться. После этого случая он утонул в чикашевском пруду» [ПМА Р. Р. Садикова: 2018 г. Куединский район Пермского края, д. Калмиары, информант С. М. Тукташева, 1947 г. р.]; «В 1970-е гг. колхозный парторг Черенков с 2–3 людьми приходил и переворачивал котлы. Не работаете, говорил!» [ПМА Р. Р. Садикова: 2017 г. Татышлинский район РБ, д. Старокалмиарово, информант К. Н. Фархутдинова, 1932 г. р.]; «В 1970-е годы парторг колхоза Кашапова Клара приходила на моления и опрокидывала котлы. Потом, когда заболела, дала денег на проведение жертвоприношения» [ПМА Р. Р. Садикова: 1997 г. Янаульский район РБ, д. Можга, информант Г. Г. Галяхметов, 1929 г. р.].

¹⁰ См.: Валишин Р. Тёл гурезь: повесть, веросьёс, дневниксь люкетъёс, статья. Ижевск, 2004. С. 49.

¹¹ См.: Wichmann Y. Op. cit. S. 6.

¹² См.: Uno Harvan matkamuiistiinpanoja. S. 46.

¹³ Яковлев К. Указ. соч. С. 262.

¹⁴ Uno Harvan matkamuiistiinpanoja. S. 89.

¹⁵ Wichmann Y. Op. cit. S. 13.

¹⁶ См.: Крюкова Т. А. Удмуртское народное изобразительное искусство. Ижевск, Л., 1973. С. 90–91.

Рис. 2. Жрец обводит чашу с жертвенной кашей над огнем. Село Кирга Куединского района Пермского края. Фото Р. Р. Садикова. 2010 г.

Fig. 2. The priest circles the bowl with the sacrificial porridge over the fire. Kirga village of Kuedinsky district, Perm region. Photo by R. R. Sadikov. 2010

ном с трансцендентным миром. Чтобы оградить потусторонние силы от «мирского», а самих жрецов уберечь от них, необходимо было избегать непосредственного контакта человека и посуды с жертвенными подношениями.

В деревянной чаше выставляли жертвенные дары верховным божествам: «После нескольких молитвословий с земными поклонами миску с мясом жрец с немалым благоговением ставит на полку, устроенную из еловых веток в виде вороньего гнезда на дереве, возле которого происходит жертвоприношение, или же на коле тагана, на котором висит котел. Эта миска остается там до конца жертвоприношения»¹⁷. При совершении данного обрядового действия, называемого *вылэ мычон* («вверх возносимое»), в чашу клали кусочки мяса с верхнего сустава передней правой конечности, три первых правых ребра, кусочки сердца, печени, легких и головы. Согласно сведениям У. Хольмберга, жрецы использовали старинные чаши с резьбой, которые употреблялись только на молениях [6, 90].

В настоящее время при обращении к божествам жрецы держат в руках на полотенце чашу с жертвенными подношениями – хлебом, мясом, кашей (рис. 2). Летом под чашу на полотенце помещают березовую, зимой – еловую ветку. В с. Нижнебалтачево Татышлинского района при молении в чашу складывают куски мяса с правой рульки, нижнюю челюсть, три правых передних ребра, кусочки легких, печени, желудка, почки, поджелудочную железу, вымя. Держа в руках моленную чашу, жрецы двигаются только слева направо, т. е. по солнцу – *шундыя*.

Существенное значение имела кровь жертвенного животного или птицы. Так как «богам от жертв доставалась только кровь»¹⁸, требовалось особое обращение с ней. Для сбора крови использовали деревянные чаши: «...когда жрец заканчивает молитву, берет чашу с кровью, покачивает ее над огнем и несколько раз сливает кровь сквозь ветку березы в огонь»¹⁹. Для выливания крови в огонь *тылан* применяли также деревянную ложку *пу пуньы*: «...небольшую часть крови второй

¹⁷ Яковлев К. Указ. соч. С. 262.

¹⁸ Смирнов И. Н. Вотяки: ист.-этногр. очерк. Казань, 1890. С. 228.

¹⁹ Uno Harvan matkamuiistiinpanoja. S. 90.

Рис. 3. Чаши участников моления с кашей. Деревня Асавка Балтачевского района Республики Башкортостан. Фото Р. Р. Садикова. 2016 г.

Fig. 3. Bowls with porridge of the participants of the prayer. Asavka village, Baltachevsky district, the Republic of Bashkortostan. Photo by R. R. Sadikov. 2016

по старшинству жрец – “тылась” – берет в ложку и после того, как животное умрет, выливает ее в пылающий костер», произнося при этом молитву²⁰.

Своеобразная роль на обрядах отводилась и ковшу *кобы*. Он использовался для обливания водой жертвенного животного перед забоем: «...на животное поливается несколько ковшей чистой холодной воды и небольшое количество воды вливается в ушное отверстие»²¹. Ковшами осуществлялась раздача готовой еды из котла. Другое приспособление в виде ковша – дуршлаг с крупными порами *пасё кобы* – до сих пор применяется для вынимания мяса и процеживания бульона.

Сегодня для хранения и транспортировки продуктов и воды пользуются металлическими, эмалированными и пластиковыми тазами, бидонами, ведрами, большими глубокими мисками. В ведре жрец приносит священную воду *тыр ву* (букв.: ‘цельная вода’), т. е. родниковую воду, зачерпнутую первой и так же первой заливаемую в котел. В ведро со-

бирают кости, которые раздают после разделки мяса пришедшим на моление участникам для обгрызания.

Особую функцию выполняет ложка *пуньбы*. Она служит для выливания в огонь крови, после того как жертва испустит дух. Сейчас обычны в употреблении металлические ложки, но в некоторых деревнях по традиции используют деревянные. Ложкой выливают бульон и выкладывают кашу на костер, причем каждое действие выполняют по три раза. Как сообщают пожилые информанты, для этой цели необходима именно деревянная ложка. Данное утверждение соответствует древним представлениям, согласно которым прикосновение к жертве предметом профанного мира – металлическим изделием – недопустимо из опаски десакрализации жертвы. Наглядный пример находим на хантыйском материале: к жертвенному мясу запрещалось прикасаться металлическими ложками и вилками – только деревянными [4, 120, 146].

Общественная жертвенная посуда в прошлом, как отмечает У. Хольмберг, использовалась только в ритуальных целях²². Этого правила стараются придерживаться и сегодня. Раньше на место жертвоприношения посуду и утварь привозили на телегах²³, сейчас для транспортировки в основном пользуются легковыми автомобилями, колесными тракторами, мотоблоками и лишь в редких случаях прибегают к гужевому транспорту. Обычно посуду хранят в усадьбе жреца; если в большом селе жрецов несколько, то у старшего из них.

Наблюдения свидетельствуют, что в последние годы для приготовления пищи на молениях применяются современные, изготовленные промышленным способом посуда и инструменты. Однако среди них попадаются и старинные самодельные образцы. Например, в д. Байшады Бураевского района РБ для черпания каши используется старинный деревянный ковш *кобы*, имеющий родовую тамгу.

²⁰ Яковлев К. Указ. соч. С. 262.

²¹ Там же.

²² См.: Uno Harvan matkamuiistiinpanoja. S. 47.

²³ Ibid. S. 42.

Отдельно следует отметить личную посуду участников моления *тусьты-пуньы*. В прошлом на моления приносили с собой деревянные чаши – по одной от домохозяйства, ложки в количестве пришедших на обряд членов семьи и хлеб, все это заворачивали в один узелок. Посуду несли не пустую: «...каждый несет в руке чашу, наполненную гречневой или овсяной крупой» [6, 96]. Теперь участники моления приносят с собой эмалированные или пластиковые чаши и тарелки, металлические ложки, которые не выделяются из общей массы будничной кухонной посуды (рис. 3). Лишь пожилые люди в некоторых семьях используют деревянные ложки, хранящиеся как ритуальные. Крупу уже не приносят с собой, так как накануне собирают ее по домам или покупают в магазине. После завершения жертвоприношения моленные кашу и мясо в чашах уносят домой для не принимавших участие в обряде домочадцев; подобным образом и они приобщаются к общему жертвоприношению.

К рассматриваемой категории вещей можно отнести также хранившиеся на полках родовых святилищ «воршудные коробка» – обязательный атрибут почитания покровителей рода *воршуд*. В конце XIX в. у удмуртов Осинского уезда Пермской губернии Н. И. Тезяков еще видел на полке в святилище «бурак, в нем вещи, необходимые при жертвоприношениях»²⁴. В полевых записях У. Хольмберга отмечено, что в куале д. Каймашабаш Бирского уезда на алтарной полке хранились берестяная и деревянная коробки, в первой была соль, во второй – масло. Берестяной туесок был старинным, что, по мнению ученого, выражало уважение к наследию отцов. Исследователь также подчеркивает, что «коробки на полке называются “куала возмась”»²⁵ («охранник куалы»). По его же сведениям, в куале «в шкафу обычно хранят жертвенные пред-

меты: деревянную чашку, из которой сливают пиво или кумышку в огонь» [9, 20]. В д. Байшады Бураевского района на воршудную полку *мудор* ставили мед и масло в ритуальных чашах²⁶; в XVIII в. полку с ритуальными предметами и ветвями деревьев удмурты Уфимской провинции называли «Модором или богом хранителем домов наших»²⁷.

Заключение

Таким образом, посуда и утварь в обрядах жертвоприношений закамских удмуртов, выполняя утилитарное предназначение, обладают и определенной знаковой функцией, свойственной каждому предмету в зависимости от его статуса. В удмуртских обрядах применялась как чисто ритуальная, так и просто бытовая утварь. Используемая на молениях кухонная посуда с переходом в ритуальное время и пространство и непосредственным включением в процесс обряда становилась символической вещью: участники промывали или ополаскивали ее чистой водой, перед тем как собрать в узелок вместе с жертвенными продуктами. Каждый предмет был предусмотрен для выполнения определенной роли и использовался только по назначению. Помимо этого данные вещи имели конкретное место при подготовке и проведении обряда. После завершения мероприятия одни из них хранились как ритуальные, другие возвращались в бытовой обиход.

Исторические процессы не обошли стороной рассматриваемую сферу культуры: изменения коснулись и используемой во время проведения жертвоприношений посуды и утвари. Сегодня среди них преобладают современные промышленные изделия, хотя эпизодически используются и старинные, исключительно ритуальные предметы, которые придают религиозному мероприятию возвышенный характер и подчеркивают его сакральный статус.

²⁴ Тезяков Н. Праздники и жертвоприношения у вотяков-язычников (из записной книжки земского врача) // Новое слово. 1896. № 4. С. 5.

²⁵ Упо Harvan matkamuiistiinpanoja. S. 137–138.

²⁶ ПМА Т. Г. Миннихметовой: 1991 г. Бураевский район РБ, д. Байшады, информант М. С. Фаюршина, 1929 г. р.

²⁷ Рычков Н. П. Журнал или дневные записки капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб., 1770. С. 159.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
2. Байбурин А. К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. С. 63–88.
3. Миннихметова Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 163 с.
4. Надь З. Васюганские ханты. Изменение религиозной системы в XIX – XXI веках. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. 294 с.
5. Предметные реалии удмуртской этнокультуры: кол. моногр. / Т. Г. Владыкина [и др.]; под общ. ред. Т. Г. Владыкиной. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2021. 188 с.
6. Путешествия к удмуртам и марийцам. Письма Уно Хольмберга 1911 и 1913 гг. / под ред. С. Лаллуки, Т. Г. Миннихметовой, Р. Р. Садикова. СПб.: Европейский Дом, 2014. 225 с.
7. Руденко К. А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Репер, 2000. 158 с.
8. Садилов Р. Р. Традиционная религия закамских удмуртов (история и современность). Уфа: Первая типография, 2019. 320 с.
9. Садилов Р. Р., Хафиз К. Х. Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга). Уфа: Ин-т этнол. исслед. УНЦ РАН, 2010. 100 с.
10. Тулуз Е., Ниглас Л. Съёмки удмуртских обрядов в Башкортостане: от проекта до DVD // Сибирские исторические исследования. 2020. № 4. С. 112–135. <https://doi.org/10.17223/2312461X/30/6>.
11. Удмурты: ист.-этногр. очерки / науч. ред. Г. А. Никитина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. 392 с.
12. Христоробова Л. С. Предметный мир обрядов // Хозяйство и материальная культура удмуртов в XIX–XX веках: сб. ст. Ижевск, 1991. С. 157–175.
13. Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Опыт комплексного исследования. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 304 с.
14. Minnijahmetova T. Az ismeretlen ismerős. Tanulmányok a baskortosztáni udmurtok vallásáról. Budapest: L'Harmattan, 2015. 194 p.
15. Minniyakhmetova T. Manifestation of Various Values in Traditional Udmurt Feasts // Feast as a Mirror of Social and Cultural Changes. San Diego, 2020. P. 99–115.
16. Minniyakhmetova T. The Role of Calendar Rituals as Regulators // The Ritual Year 12: Regulating Customs: The Yearbook of the SIEF Working Group on the Ritual Year. Moscow, 2021. P. 130–140.
17. Toulouze E. About Eastern Udmurt Religious Practice today // Global Journal of Archaeology and Anthropology. 2018. Vol. 3, issue 4. <http://dx.doi.org/10.19080/GJAA.2018.03.555618>.
18. Toulouze E. The Power of Porridge: Udmurt Ritual Food // Традиционная культура. 2020. Т. 21, № 3. С. 157–170. <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.3.013>.
19. Toulouze E., Niglas L. The Vös'as', the Udmurt Sacrificial Priest: An Old Task for Young Men // Temenos – Nordic Journal of Comparative Religion. 2017. Vol. 53, no. 1. P. 9–29. <https://doi.org/10.33356/temenos.55613>.

Поступила 15.09.2021; одобрена 20.09.2021; принята 23.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Т. Г. Миннихметова – доктор философии, независимый исследователь Института Европейской этнологии Инсбрукского университета, minnijah@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8882-2719>

Р. Р. Садилов – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН, kissapi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4200-2568>

Dishes and utensils used in sacrificial rites of the Trans-Kama Udmurts (functional and symbolic meaning)

Tatiana G. Minniyakhmetova

*University of Innsbruck,
Innsbruck, Austria*

Ranus R. Sadikov

*R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies,
Ufa Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences,
Ufa, Russia*

Introduction. The article considers the variety and functions of dishes and utensils used at the sacrificial rituals of Trans-Kama “pagans” Udmurts from the Republic of Bashkortostan and Perm Krai. This is the first attempt of using extensive field and archival materials for the research purposes.

Materials and Methods. The material for the study represents the published and archival sources, ethnographic information collected the authors during many years of field research. The analysis of materials was carried out using a comparative-historical method. The article takes into account the theoretical approaches of the semiotic school in ethnology.

Results and Discussion. In the object world of Udmurt sacrifices, a special place is occupied by dishes and utensils. Without them the ritual process involving the preparation of food and a joint meal is impossible. Various dishes (cauldrons, troughs, buckets, bowls, spoons, ladles, etc.) are used for their utilitarian purpose (cooking, storage, transportation, eating food, etc.) but inclusion in the ritual process endows them with symbolic functions.

Conclusion. Dishes and utensils used at the sacrifices of the Trans-Kama Udmurts are still endowed with a high sacred status. The number, composition and methods of using ritual utensils have remained traditional but their forms, material and manufacturing method have changed. As before, in addition to being used for utilitarian purposes they are endowed with many symbolic functions.

Keywords: ritual dishes, sacrifices, functional and symbolic meaning, Trans-Kama Udmurts

Acknowledgments: R. R. Sadikov carried out the study within the framework of the state assignment No. AAAA-A21-121012290086-0 IEF UFIC RAS for 2021–2023.

For citation: Minniyakhmetova TG, Sadikov RR. Dishes and utensils used in sacrificial rites of the Trans-Kama Udmurts (functional and symbolic meaning). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;4:394–404. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.394-404.

REFERENCES

1. Bajburin AK. Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rites. Saint-Petersburg; 1993. (In Russ.)
2. Bajburin AK. Semiotic aspects of the functioning of things. *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury* = Ethnographic study of the symbolic means of culture. Leningrad; 1989:63–88. (In Russ.)
3. Minniyakhmetova TG. Calendar rites of Trans-Kama Udmurts. Izhevsk; 2000. (In Russ.)
4. Nady Z. The Vasyugan Khants. Changes in the religious system in the XIX–XXI centuries. Tomsk; 2011. (In Russ.)
5. Vladykina TG. etc. Subject realities of the Udmurt ethnoculture. Collective monograph. Izhevsk; 2021. (In Russ.)
6. Lallukka S, Minniyahmetova TG, Sadikov RR, eds. Travels to the Udmurts and Mari. Uno Holmberg’s letters from the years 1911 and 1913. Saint-Petersburg; 2014. (In Russ.; in Fin.)
7. Rudenko KA. Metal utensils of the Volga and Kama regions in the VIII–XIV centuries. Kazan; 2000. (In Russ.)
8. Sadikov RR. Traditional religion of Trans-Kama Udmurts (history and modernity). Ufa; 2019. (In Russ.)

9. Sadikov RR, Khafiz KKh. Religious beliefs and rituals of the Udmurts of the Perm and Ufa provinces at the beginning of the XX century (expedition materials by Uno Holmberg). Ufa; 2010. (In Russ.)
10. Toulouze E, Niglas L. Filming of Udmurt rituals in Bashkortostan: from project to DVD. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* = Siberian Historical Research. 2020;4:112–135. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/2312461X/30/6>.
11. Nikitina GA, ed. The Udmurts. Historical and Ethnographic Essays. Izhevsk; 1993. (In Russ.)
12. Hristoljubova LS. The subject world of rituals. *Khoziaistvo i material'naia kul'tura udmurtov v XIX–XX vekakh: sb. st.* = Economy and material culture of Udmurts in the XIX–XX centuries. Collection of articles. Izhevsk; 1991:157–175. (In Russ.)
13. Shutova NI. Pre-Christian cult monuments in Udmurt religious tradition. Experience in complex research. Izhevsk; 2001. (In Russ.)
14. Minnijahmetova T. Az ismeretlen ismerős. Tanulmányok a baskortosztáni udmurtok valóságáról. Budapest; 2015.
15. Minnijahmetova T. Manifestation of Various Values in Traditional Udmurt Feasts. *Feast as a Mirror of Social and Cultural Changes*. San Diego; 2020:99–115.
16. Minnijahmetova T. The Role of Calendar Rituals as Regulators. *The Ritual Year 12. Regulating Customs*. Moscow; 2021:130–140.
17. Toulouze E. About Eastern Udmurt Religious Practice today. *Global Journal of Archaeology and Anthropology*. 2018;3:4. <http://dx.doi.org/10.19080/GJAA.2018.03.555618>.
18. Toulouze E. The Power of Porridge: Udmurt Ritual Food. *Traditional culture*. 2020;21;3:157–170. <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.3.013>.
19. Toulouze E, Niglas L. The Vös'as', the Udmurt Sacrificial Priest: An Old Task for Young Men. *Temenos – Nordic Journal of Comparative Religion*. 2017;53,1:9–29. <https://doi.org/10.33356/temenos.55613>.

Submitted 15.09.2021; reviewing 20.09.2021; accepted 23.09.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

T. G. Minnijahmetova – Ph. D {Philosophy}, Independent Researcher, Institute for European Ethnology, University of Innsbruck, minnijah@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8882-2719>

R. R. Sadikov – Doctor of History, Chief Research Fellow, R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, kissapi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4200-2568>